

ЖИЗНЕОПИСАНИЯ
ДОСТОПАМЯТНЫХ
ЛЮДЕЙ
ЗЕМЛИ РУССКОЙ

X-XX вв.

Московский рабочий

1992

Святая Русь

Как часто в дореволюционной России приходилось слышать слова «Святая Русь». Их произносили тогда, когда шли, ехали или плыли на богомолье, а делалось это вовсе не редко: шли поклониться образу, мощам, шли просто в святое место. Их вспоминали и тогда, когда, услышав недобрую весть с фронта или весть о недороде, стихийном бедствии, молились и верили: «Бог не допустит гибели Святой Руси».

Что такое эта «Святая Русь»? Это вовсе не то же, что Россия; это не вся страна в целом со всем греховным и низким, что в ней всегда было. «Святая Русь» — это прежде всего **святые** Русской Земли в их соборности, в их целом. Это ее монастыри, церкви, священство, мощи, иконы, священные сосуды, праведники, святые события истории Руси. Все это как бы объединялось в понятие Святая Русь, освобождалось от всего греховного, выделялось в нечто неземное и очищенное, получало существование и вне земного, реального и было бессмертно.

Вот почему понятие «Святой Руси» и смиренной Руси не противостояли друг другу, и в самом представлении о святости Руси не было бахвальства или гордыни.

Главное, что принадлежало «Святой Руси», — это ее святые, представленные иконами, мощами, памятными местами, источниками, урочищами и предметами, а главное — «житиями». Что такое жития святых? Это не просто рассказы о жизни святых и их посмертных заботах о людях, чудесах, покровительстве верующим. Это еще как бы их литературные эмблемы, почитаемые творения — нечто вроде икон, но в словесном, а не красочном изложении. Рассказ о жизни сопровождается текстами служб святому, и эти последние служили как бы ризами для икон. Вот почему к житиям нельзя предъявлять строгих требований полноты, детальности и реализма рассказа. Чтение житий святых входило в состав богослужения, монастырского распорядка жизни, обихода благочестивого человека. Случалось, что для житий не хватало фактов, жизнь святого ко времени его прославления подзабывалась и тогда святому приписывалось то, что было известно о другом святом, схожем с ним по типу своей святости. В этом не было обмана: просто у составителя жития была уверенность, что за сходное добродейание должна была последовать сходная награда, что доброму делу должна была предшествовать молитва, за победу должна была последовать благодарность Богу и т. д.

Святой — это идеал человека. Поведение святого — пример для поведения всех людей. Однако святые — это идеальные люди, заслуживающие с точки зрения верующих не только поклонения, но и подражания, и святость которых как бы удостоверена Богом. Однако народ не может жить одним, унифицированным идеалом человека. Перед великим народом всегда открываются разные пути и к разным идеалам. Чем многообразнее у народа идеалы, тем он духовно богаче. Если мы с этой точки зрения взглянем на весь собор русских святых, то поразим-

ся не только многообразием и разноликостью святых, но и их связью с русской действительностью — различной в разное время и в разных географических условиях России. Среди святых Древней Руси — рядовые монахи, основатели монастырей и крупных, а иногда малоизвестных, церковные иерархи, князья-военачальники, князья-мученики за веру, просветители народов, окружавших Русь, княгини, монахи, домохозяйки, дети-мученики, юродивые. Не все они пользовались равным почитанием. Были среди них и местночтимые, и получившие всероссийское признание.

И тем не менее святых нельзя делить по роду религиозных подвигов, ими совершаемых, или по тому, какое место они занимали в жизни. Патриарх Гермоген или митрополит Филипп — святые иерархи, но одновременно и мученики. Александр Невский святой, но не только потому, что он как полководец ограждал православную веру, а и по той схеме, которую он принял перед смертью: не случайно он на старых иконах изображается не в одеянии воина, а именно схимником. Святая Ефросиния Полоцкая была княгиней и много сделала для своей полоцкой епархии, но она же переписывала книги и этим не меньше потрудились во славу Господа. Основатели монастырей на Севере и Востоке часто являлись просветителями соседних языческих народов. Святые подвизались на разных поприщах, и их объединяла деятельная вера и глубокая аскеза.

Итак, в разное время возникают разные типы святости. Конечно, святость одна, но различны ее проявления. Эпохой наивысшего подъема святости на Руси являлся конец XIV и весь XV век. И среди всех святых этого времени выделяется лик Сергия Радонежского и возникновение от основанного им Троице-Сергиева монастыря множества монастырей Русского Севера — русской фиваиды.

По типу своей святости Сергий Радонежский очень близок к жившему за век до него в Италии Франциску Ассизскому. То же стяжание Духа Божия, через молитву к уединению, то же презрение к мирским богам, нищелюбие, стремление помочь всем и всему живому. Та же ответственность перед природой, стремление к христианскому просвещению окружающих его людей. Можно было бы много приводить совпадений в поступках Франциска и Сергия, но есть и различие. В то время, как Франциск просил милостыню, Сергий строжайше запрещал своей братии просить и в голод старался заработать хлеб своим трудом, отказываясь брать свой заработок до окончания работы. Сергий умел делать и делал всю крестьянскую работу: копал огород, носил воду, строил жилище, портняжничал и т. д. Именно поэтому он стал на Руси высшим авторитетом для крестьян и когда великому князю московскому Дмитрию необходимо было ополчение, чтобы противостоять Мамаю, Сергий благословил его и дал ему двух схимников Пересвета и Ослябю, чтобы показать, что участие в обороне Русской Земли — святое дело, разрешаемое им даже для схимников. Благословение Сергия имело большое значение в битве на Куликовом поле.

С тех пор так и повелось: хозяйственные и военные заботы стали одним из подвигов святых — Пафнутия Боровского, игумена соловецкого Филиппа и многих, многих других.

Даже русские юродивые отличались заботой не только о том, чтобы выказать свое смирение и принять на себя облик самый невзрачный, но чтобы в этом невзрачном виде послужить людям, сказать им правду, обличить властителей, защитить слабых.

Было бы неправильно с православной точки зрения думать, что святость определяется той пользой, которую приносит святой людям, его любовью к ним, его строгостью в следовании заповедям церкви, даже его усердием в аскезе. Преподобный Серафим Саровский в беседе с Н. А. Мотовиловым утверждал, что истинная святость дается стяжанием

Духа Божия. «Так в стяжании этого-то Духа Божия и состоит истинная цель нашей жизни христианской, а молитва, бдение, пост, милостыня и другие, ради Христа делаемые добродетели суть только средства к стяжанию Духа Божия. Все же не ради Христа делаемое, хотя и доброе, но мзды в жизни будущего века нам не представляет, да и в здешней жизни благодати Божией тоже не дает». Как же познать истинно святого, на которого сошел Дух Божий? Серафим дает на это ответ — Бог прославляет святого чудесами. Вот почему в житиях святых особое значение имеют чудеса, удостоверяющие их святость, стяжание ими Духа Божия. Чудесами главным образом и подается свидетельство, по которому праведник причисляется к лику святых.

Академик Д. С. Лихачев

